

ДИАНА ФУРСОВА

НЕНУЖНАЯ
ЖЕНА
ДРАКОНА

АКУШЕРКА ДЛЯ НАСЛЕДНИКА

Диана Фурсова

**Ненужная жена дракона.
Акушерка для наследника**

«Литнет»

2026

Фурсова Д.

Ненужная жена дракона. Акушерка для наследника /
Д. Фурсова — «Литнет», 2026

Её называли ненужной женой и отправили в холодный флигель ждать развода. Князь-дракон Кайран Вэллор решил: брак не дал наследника, род ослаблен, а значит, тихую леди Элиару можно вычеркнуть из жизни. Только он не знал, что в теле отвергнутой жены очнулась Марина — женщина из другого мира, которая привыкла бороться за тех, кто не может защитить себя сам. В ту же ночь к её двери приносят младенца с чёрной драконьей меткой. Совет велел избавиться от ребёнка до рассвета, ведь такой наследник считается проклятым. Но Марина не отдаст малыша тем, кто боится его больше, чем любит. Она откроет у северной стены Дом первого огня — место для женщин и детей, которых выгнали, испугались или называли лишними. Она восстановит дом из пепла, бросит вызов Совету и заставит самого дракона увидеть правду. Чёрная метка — не проклятие. Ненужная жена — не слабость. А сердце княжества может оказаться там, куда раньше ссылали забытых.

Содержание

Глава 1. Ненужная жена драконьего князя	5
Глава 2. Младенец с чёрной меткой	13
Глава 3. Дом первого огня	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Глава 1. Ненужная жена драконьего князя

— Эта женщина больше не нужна моему дому.

Марина услышала эти слова раньше, чем поняла, где находится.

Они прозвучали спокойно, почти бесстрастно, без крика, без злобы, без той горячей человеческой жестокости, к которой ещё можно было бы придаться, чтобы потом ненавидеть в ответ. Нет, мужчина говорил так, будто подписывал распоряжение о выносе сломанной мебели. Будто речь шла не о живой женщине, сидящей перед ним в высоком резном кресле, а о вещи, утратившей пользу.

Марина медленно подняла глаза.

Перед ней тянулся огромный зал из тёмного камня. Узкие окна под самым потолком пропускали зимний свет, холодный и сероватый, от которого лица собравшихся казались вырезанными из воска. По стенам мерцали длинные полосы золотистого пламени, заключённого в железные чаши, но тепла от него почти не было. Или Марине просто казалось, что холод шёл не от стен, а от людей.

За полукруглым столом сидели мужчины и женщины в тяжёлых одеждах с вышитыми драконьими крыльями на груди. Старые, молодые, надменные, равнодушные. Все они смотрели на неё так, как смотрят на ошибку, которую давно пора исправить.

А напротив, у высокого кресла с чёрной спинкой, стоял мужчина.

Он был слишком красив для обычного человека и слишком холоден, чтобы эта красота могла успокоить. Высокий, широкоплечий, с тёмными волосами, убранными назад, и серыми глазами, в которых не отражалось ничего лишнего. На виске у него, у самой линии роста волос, едва заметно серебрилась тонкая чешуйчатая вязь. Не украшение. Не шрам. Что-то живое, родовое, властное.

Марина не знала этого мужчину.

И в то же время тело, в котором она сидела, узнало его до дрожи.

Кайран Вэллор.

Имя всплыло в сознании, как чужой осколок памяти, и больно встало под рёбрами. Князь северного драконьего рода. Муж. Хозяин этой крепости. Мужчина, ради которого леди Элиара когда-то вошла в этот дом с надеждой, а теперь сидела здесь под взглядами всего Совета, ожидая, когда её окончательно сотрут из его жизни.

«Леди Элиара?»

Марина попыталась вдохнуть глубже, но корсет сдавил грудь так, что перед глазами поплыли золотые точки. Руки лежали на подлокотниках кресла — тонкие, белые, с длинными пальцами и перстнем, который был ей совершенно чужим. Не её руки. Не её ногти. Не её кольцо.

Она помнила совсем другое.

Поздний вечер. Тусклый свет над входом. Усталость после длинного дня. Пакет с булочкой, которую она так и не успела съесть. Телефон, вибрирующий в кармане. Мокрый асфальт под ногами. Резкий свет фар, скользнувший прямо в лицо.

А потом — этот зал.

Чужое тело.

Чужой муж.

Чужой приговор.

— Князь Вэллор высказался ясно, — произнёс сухой старик в тёмно-бордовом плаще. Его пальцы, украшенные массивными кольцами, лежали на столе неподвижно, но Марина почему-то сразу поняла: именно он здесь привык решать судьбы других. — Брак не дал дому

главного. Метка супруги не проснулась. Наследника нет. Род ослаблен, а княжество не может ждать ещё годы.

Слово «наследник» прошло по залу, как невидимая игла.

Марина сжала пальцы на подлокотнике. Внутри неё шевельнулась чужая память — давняя, горькая, полная шёпота за спиной. Пять лет брака. Пять лет ожиданий, проверок, холодных церемоний, чужих взглядов, в которых с каждым месяцем становилось всё меньше надежды и всё больше презрения.

Элиару не били. Не выгоняли сразу. Ей даже позволяли сидеть рядом с князем на торжественных ужинах, носить драгоценности его рода и улыбаться гостям. Просто однажды с ней перестали говорить как с человеком. Слуги понижали голос, когда она проходила мимо. Дамы Совета жалели её так, чтобы было больнее любого оскорбления. Муж возвращался всё позже и смотрел сквозь неё всё чаще.

А теперь всё завершилось.

— Леди Элиара, — старик чуть склонил голову, но почтения в этом движении не было. — Вы понимаете, почему Совет собран?

Марина хотела ответить. Хотела спросить, кто вы такие и почему я здесь. Хотела потребовать зеркало, воду, нормальную одежду, объяснения, хоть что-нибудь, за что можно было бы ухватиться.

Но горло перехватило.

Тело помнило страх этой женщины. Тело помнило, как опасно здесь говорить лишнее.

И всё же Марина была не Элиарой.

Она много лет смотрела в глаза женщинам, которые боялись, что не справятся. Она держала за руки тех, кто плакал, злился, умолял, терял силы и снова находил их, потому что рядом нельзя было развалиться. Марина умела бояться молча. Умела собираться по кускам, когда внутри всё дрожало.

Поэтому она выпрямилась настолько, насколько позволял корсет, и посмотрела сначала на старика, а потом на Кайрана.

— Я понимаю, что меня пригласили не для разговора, — сказала она. Голос оказался ниже, чем она ожидала, мягче, но в нём всё же прозвучала твёрдость. — А для решения, которое уже приняли.

По залу прошёл лёгкий шорох.

Кто-то усмехнулся. Кто-то поднял брови. Одна женщина в серебристом платье, сидевшая справа от Кайрана, посмотрела на Марину с внезапным интересом, словно услышала от немой статуи первую фразу.

Кайран не изменился в лице.

Только взгляд его стал чуть внимательнее.

— Решение принято не без оснований, — произнёс старик. — Дом Вэллоров должен быть защищён продолжением крови. Брак заключался ради союза, силы и будущего. Вы не дали ни одного из трёх.

Марина почувствовала, как поднимается волна злости. Горячая, своя, настоящая. Она ничего не знала об этом мире, не знала законов, не знала, что значат их метки, кровь и родовые обещания, но интонацию узнала безошибочно. Женщину снова превращали в сосуд для чужих ожиданий, а когда ожидания не сбылись, объявляли пустой.

— Удобно, — сказала она медленно. — Когда брак не даёт того, чего вы хотели, виновата только жена.

Старик прищурился.

— Следите за словами, леди Элиара.

— А вы следили за своими, когда обсуждали меня так, будто меня здесь нет?

Теперь тишина стала плотной.

Марина сама удивилась собственной дерзости. Возможно, прежняя Элиара за эти слова уже побледнела бы, попросила прощения и опустила глаза. Но Марина слишком плохо понимала местные правила, чтобы подчиняться им сразу. И слишком хорошо понимала унижение, чтобы позволить ему пройти через себя без сопротивления.

Кайран наконец сделал шаг вперёд.

— Довольно.

Одного слова хватило, чтобы все замолчали.

Он говорил негромко, но зал подчинился ему мгновенно. В этом была власть, не нуждавшаяся в доказательствах. Марина ощутила её кожей: тяжёлую, драконью, древнюю. Но вместо страха внутри неожиданно поднялось упрямство.

Она не знала, как оказалась в этой женщине. Не знала, жива ли та Марина, которая шла вечером по мокрой улице. Не знала, можно ли отсюда вернуться. Но знала одно: если это теперь её тело, её голос и её судьба, она не позволит решить её за пять минут под взглядами людей, которым просто удобно избавиться от неудачной княгини.

— Леди Элиара останется во флигеле у северной стены, — сказал Кайран, не глядя на неё дольше необходимого. — До завершения родового разбирательства.

— Разбирательства? — переспросила Марина.

— До расторжения брака, — уточнил старик с тонкой улыбкой. — Формальности требуют времени.

Формальности.

Марина чуть не рассмеялась. Развод, изгнание, публичное уничтожение женщины — всё это здесь называлось формальностями.

Кайран повернулся к ней.

— Вам обеспечат кров, еду и прислугу. Ваши личные вещи перенесут. До решения Совета вы не будете появляться в главных покоях и на собраниях рода.

Вот теперь боль пришла не чужая.

Не от любви к этому мужчине — Марина не любила его, не знала, не выбирала. Но от самого тона, от того, как легко он выстраивал границы вокруг женщины, которая ещё вчера, наверное, спала в его доме и носила его имя.

— Как щедро, — сказала она. — Меня не выбрасывают за ворота сразу. Почти праздник.

В серебристом платье кто-то тихо втянул воздух. Старик резко стукнул пальцами по столу.

— Леди Элиара!

Кайран смотрел на Марину уже иначе. В его серых глазах не было тепла, но появилась настороженность. Так смотрят на привычную дверь, которая вдруг открылась не туда.

— Вы сегодня говорите смелее обычного, — произнёс он.

Марина почувствовала, как по спине пробежал холодок. Вот он, первый опасный просчёт. Прежняя Элиара, судя по обрывкам памяти, была тихой. Слишком тихой. Слишком удобной в своём несчастье. А Марина за несколько минут уже успела показать, что удобной быть не собирается.

Она заставила себя выдержать его взгляд.

— Возможно, мне просто надоело молчать.

Эти слова прозвучали тише, но ударили сильнее.

Кайран не ответил сразу. Между ними повисло что-то странное — не близость, нет, до неё было как до далёкой звезды, а первое столкновение двух волей. Он привык, что жена опускает глаза. Марина не опустила.

— Совет завершён, — сказал он наконец.

Люди начали подниматься. Зашуршали ткани, скрипнули стулья, раздались приглушённые голоса. Марина осталась сидеть, потому что ноги всё ещё плохо слушались. Её мутило от

запаха дыма, камня и чужих духов, от тугой одежды, от чужой памяти, которая вспыхивала клочками и тут же исчезала.

К ней подошла пожилая женщина в сером платье без украшений.

— Миледи, — тихо сказала она. — Позвольте проводить вас.

В голосе женщины было осторожное сочувствие, настолько непривычное после зала, что Марина едва не вцепилась в него как в спасательный круг.

— Как вас зовут? — спросила она.

Женщина растерялась.

— Нэра, миледи. Я служила в ваших покоях.

Служила. Не «служу». Даже здесь уже говорили о ней в прошедшем времени.

Марина поднялась. Мир покачнулся, но она удержалась, не позволив ни Нэре, ни кому-либо ещё подхватить себя под руку. Ей очень хотелось сесть на пол прямо посреди этого величественного зала и потребовать нормального объяснения происходящего, но вместо этого она пошла вперёд.

Мимо Кайрана.

Он стоял у стола, высокий и неподвижный, как часть этой крепости. Когда Марина проходила рядом, она ощутила от него не тепло, а странное давление, будто воздух возле князя был плотнее. Дракон, вспомнила чужая память. Не просто титул. Не прозвище. Правда.

Она остановилась на мгновение и посмотрела на него.

— Вы сказали, что я больше не нужна вашему дому, князь Вэллор.

Он чуть повернул голову.

— Да.

Марина кивнула, и кивок этот дался ей почти спокойно.

— Тогда постарайтесь потом не удивляться, если однажды вашему дому понадобится я, а я уже не захочу возвращаться.

Она не стала ждать ответа.

Потому что знала: если задержится ещё на секунду, колени могут предательски дрогнуть.

Коридоры крепости оказались длинными, холодными и почти безлюдными. Пламя в настенных чашах горело ровно, отбрасывая на каменный пол тени, похожие на крылья. Нэра шла рядом, то и дело бросая на Марину тревожные взгляды, но молчала. Видимо, в этом доме слуги давно научились не задавать вопросов, если хотели сохранить место.

Чем дальше они уходили от главного зала, тем беднее становилась отделка. Исчезли гобелены, потемнел камень, в узких окнах показался заснеженный двор. За стенами гудел ветер. Он бился о крепость, как живое существо, и Марина вдруг поняла, что находится где-то высоко, на Севере, в краю, где зима была не временем года, а характером мира.

— Флигель давно пустует? — спросила она.

Нэра запнулась.

— Несколько лет, миледи.

— То есть меня отправляют в заброшенное крыло?

— Там убрались утром, — быстро сказала женщина. — Я проследила. Принесли постель, воду, дрова. Там будет не так холодно.

Марина усмехнулась краешком губ.

— Не так холодно — звучит почти роскошно.

Нэра опустила глаза.

— Простите, миледи.

— За что?

— За то, что не смогла... — Женщина осеклась, словно испугалась собственных слов.
— За то, что всё так вышло.

Марина посмотрела на неё внимательнее. В чужой памяти Нэра возникала тёплым пятном: поправляла на плечах шаль, оставляла у окна горячую воду, тихо закрывала дверь, когда Элиара плакала. Не подруга, нет. В этом доме у княгини, кажется, не было подруг. Но хотя бы человек.

— Это не вы собрали Совет, — сказала Марина.

— Но я видела, как вам было тяжело.

Эти слова ударили неожиданно. Не Марине. Той, другой, которая жила здесь до неё. В груди отозвалась такая старая усталость, что Марина на мгновение прикрыла глаза.

— Теперь будет иначе, — сказала она.

Нэра не ответила, но в её молчании было сомнение. Слишком многое здесь уже разрушили, чтобы поверить в перемены с одной фразы.

Флигель стоял у северной стены крепости, отделённый от главного здания узким переходом. Когда Нэра открыла дверь, Марину встретил запах сырого дерева, холодного камня и старой пыли, которую не удалось прогнать поспешной уборкой. Внутри было три комнаты: небольшая спальня, гостиная с низким очагом и маленькая умывальная. Мебель тяжёлая, тёмная, явно принесённая сюда не для уюта, а чтобы закрыть пустоту.

На кровати лежало несколько платьев. У стены стоял сундук. У окна — круглый столик, на котором сиротливо белела чашка.

Марина прошла в гостиную и остановилась у очага. Огонь горел, но слабый. Она опустилась на стул и только теперь позволила себе выдохнуть.

Руки задрожали.

Сначала едва заметно, потом сильнее. Марина стиснула их в замок, но дрожь поднялась выше — к плечам, к горлу. Всё, что она удерживала в зале, обрушилось разом: страх, злость, невозможность происходящего, чужое тело, чужое имя, чужой муж, неизвестный мир за окном.

— Миледи? — испугалась Нэра.

— Дайте мне минуту.

— Вам плохо?

Марина почти сказала «нет», но это было бы глупо. Ей было плохо. Только не так, как Нэра могла понять.

— Мне нужно прийти в себя.

Служанка поспешно налила воды в чашку и поставила рядом. Марина взяла её обеими руками, чувствуя, как прохлада обжигает пальцы. Никаких чудес не случилось. Она не проснулась обратно на своей кухне. Не услышала знакомого шума машин за окном. Не увидела свой старый свитер на спинке стула.

За окном была крепостная стена.

Внутри — тело женщины, которую только что публично выбросили из собственной жизни.

— Нэра, — тихо сказала Марина, — расскажите мне, что будет дальше.

Женщина побледнела.

— Я не знаю всех решений Совета.

— Тогда то, что знаете.

Нэра мялась несколько секунд, потом всё же заговорила. Через три дня соберут закрытый круг старейшин. Потом подготовят родовую грамоту о расторжении брака. Элиаре оставят часть приданого, если род её покойного отца не возразит. Возможно, отправят в южное имение, которое давно не приносит дохода. Возможно, позволят уйти под защиту дальних родственников, если те согласятся принять женщину, отвергнутую драконом.

С каждым словом Марина всё яснее понимала: её не просто разводили с мужем. Её аккуратно убирали с доски.

— А князь? — спросила она. — Он уже выбрал новую жену?

Нэра резко замолчала.

Марина посмотрела на неё и всё поняла.

— Выбрал.

— Совет считает, что леди Мирена подходит дому Вэллоров, — осторожно произнесла служанка. — У неё сильная родовая линия. Её метка проявилась рано. Она... достойная партия.

Марина опустила чашку на стол.

Не ревность поднялась в ней. Как можно ревновать к мужчине, которого знаешь меньше часа? Но унижение было настоящим. Прежнюю жену ещё не успели вывести из дома, а место уже держали тёплым для следующей.

— Понятно.

— Миледи, вам лучше отдохнуть. Завтра я принесу ваши вещи и посмотрю, что можно сделать с комнатами. Здесь мрачно, но если повесить светлые ткани...

— Нет, — сказала Марина.

Нэра вздрогнула.

— Что нет?

Марина поднялась и медленно обвела взглядом комнату. Старая мебель. Холодные углы. Потрескавшаяся рама окна. Пыль в резьбе кресел. Тяжёлые занавеси, пропитанные годами забвения. Флигель, куда отправляли ненужных, чтобы они сидели тихо и не мешали главным людям решать главные дела.

Что ж.

Если этот мир решил дать ей старый пустой угол, она начнёт с него.

— Завтра не просто принесёте вещи, — сказала Марина. — Завтра мы откроем окна, снимем эти занавеси, вымоем полы, пересчитаем всё, что здесь есть, и решим, как сделать это место пригодным для жизни.

Нэра смотрела на неё так, будто Марина предложила разобрать крепостную стену по камню.

— Миледи, но вы... вы не обязаны.

— Именно поэтому и сделаю. Обязанности мне здесь уже назначили другие. Теперь хотя бы порядок я выберу сама.

Она подошла к окну и провела пальцем по холодному стеклу. Снаружи кружил снег. Во дворе у стены стояли тёмные силуэты стражников. Где-то далеко, за башнями, в сером небе мелькнула огромная тень, похожая на крыло. Марина моргнула, но тень уже исчезла.

Этот мир был невозможен.

Но унижение в нём оказалось до боли обычным.

Нэра осталась ещё на некоторое время: принесла дополнительную ткань, проверила очаг, поставила у двери свечу и нерешительно спросила, не нужно ли позвать кого-нибудь из слуг. Марина отказалась. Ей было необходимо одиночество — хотя бы для того, чтобы спокойно испугаться.

Когда дверь за Нэрой закрылась, флигель наполнился тишиной.

Марина подошла к небольшому мутному зеркалу в спальне и долго смотрела на отражение.

Леди Элиара была красивой. Не яркой, не победительной, как, наверное, та самая Мирена, а тонкой, светлой, с огромными тёмно-синими глазами и мягкими каштановыми волосами, заплетёнными в сложную косу. Лицо усталое, слишком бледное, с тенью под глазами. Женщина, которую долго учили быть удобной, терпеливой, благодарной за крохи внимания.

Марина коснулась щеки.

— Прости, — сказала она тихо, сама не зная, кому говорит: себе прежней, этой женщине или обоим сразу. — Я не знаю, куда ты делась. Но если мне придётся жить за тебя, я хотя бы попробую сделать это не зря.

Она сняла тяжёлые серьги, расстегнула верхние крючки платья и впервые за всё это безумное время смогла вдохнуть свободнее. Потом нашла в сундуке простую ночную рубашку, переделалась, долго возилась с очагом, пока пламя не стало ровнее, и села прямо на пол, завернувшись в покрывало.

Спать не получалось.

В голове теснились обрывки памяти Элиары. Первый приезд в крепость. Кайран, стоящий на лестнице в чёрном парадном камзоле. Его ладонь, которую он подал молодой жене — вежливо, но без нежности. Первый ужин, где она боялась перепутать приборы. Первая зима. Первый слух о том, что метка не просыпается, потому что княгиня слабая. Первые слёзы в подушку. Первый день, когда Кайран прошёл мимо и не заметил, что она ждала его у окна.

Марина смотрела в огонь и постепенно переставала злиться на Элиару за её молчание.

Очень легко осуждать женщину за слабость, пока не окажешься в доме, где каждый камень напоминает: ты здесь чужая, но уйти тебе некуда.

Где-то за стеной завыл ветер. В ответ в глубине крепости раздался низкий, протяжный звук — то ли рёв, то ли гул камня. Марина вздрогнула.

Драконы.

Она почти рассмеялась, но смех застрял. Ещё утром её мир состоял из расписания, транспорта, усталых женщин, белых стен, звонков и бесконечной ответственности. Теперь в её мире были драконы, родовые Советы, метки и муж, который объявил её ненужной при свидетелях.

— Хорошо, — прошептала она. — Значит, начнём с самого простого. Выжить. Понять правила. Не дать себя сломать.

План был жалким, но другого не имелось.

Марина потянулась к чашке, сделала несколько глотков воды и наконец легла. Сон пришёл не сразу. Он подкрался тяжело, рвано, словно не доверял этому месту так же, как и она.

Разбудил её стук.

Сначала Марина решила, что звук приснился. Она лежала в темноте, слушая, как потрескивает очаг в соседней комнате, и пыталась понять, где находится. Потом стук повторился — тихий, отчаянный, не в главную дверь, а будто в боковую, ведущую к узкому служебному проходу.

Она села.

Сердце сразу забилось быстрее. За окном была ночь. Во флигеле — ни одной души.

Стук повторился в третий раз.

— Миледи, — послышался снаружи сдавленный женский шёпот. — Миледи, прошу вас... откройте.

Марина накинула покрывало на плечи и вышла в гостиную. На столе нашла свечу, зажгла её от углей в очаге и подошла к двери. Рука задержалась на засове. Чужой мир, чужая крепость, ночь, неизвестная женщина за дверью — всё в ней требовало позвать стражу или хотя бы спросить имя.

Но в голосе за дверью было такое отчаяние, которое Марина узнавать умела.

Она отодвинула засов.

На пороге стояла молодая служанка в тёмном плаще, засыпанном снегом. Лицо её было белым, губы дрожали, а к груди она прижимала свёрток, укутанный в несколько слоёв ткани.

— Простите, миледи, — выдохнула она и едва не упала на колени. — Я не знала, к кому ещё идти.

Из свёртка донёсся слабый, хриловатый писк.

Марина замерла.

Всё внутри неё — страх, растерянность, обида, чужая память, княжеский зал, холодный голос Кайрана — отступило на шаг. Остался только этот звук. Маленький. Живой. Тревожный.

— Входите, — сказала она уже совсем другим тоном.

Служанка метнулась внутрь. Марина быстро закрыла дверь, подвела девушку ближе к очагу и откинула край ткани.

В свёртке лежал младенец.

Крошечное личико было сморщенным, сердитым и красным от плача, кулачки упрямо сжаты. На первый взгляд — просто ребёнок, слишком маленький для этой ледяной ночи и слишком беззащитный для дворцовых интриг.

А потом Марина увидела метку.

На левом плече младенца, там, где ткань сползла чуть ниже, темнела тонкая чешуйчатая вязь. Не золотая, как отблески огня в зале. Не серебряная, как знак у виска Кайрана. Чёрная. Глубокая. Словно под кожей ребёнка свернулось крошечное крыло из ночи.

Служанка зажала рот ладонью.

— Его велели унести до рассвета, миледи. Сказали, что такой наследник не должен жить в княжеском доме.

Марина медленно подняла глаза.

— Кто сказал?

Девушка заплакала беззвучно.

— Совет. А князь... князь ещё не знает всего.

Младенец снова тихо пискнул и повернул голову на звук Маринино голоса.

Она осторожно приняла его из рук служанки. Тёплый, лёгкий, живой. Слишком маленький для чужого страха. Слишком настоящий для их проклятий.

Марина прижала ребёнка к себе и почувствовала, как внутри неё встаёт то самое спокойствие, которое приходило всегда, когда рядом был тот, кто нуждался в помощи сильнее, чем она сама.

— Как его зовут? — спросила она.

— Имени ему не дали. Сказали, нельзя называть проклятого.

Марина посмотрела на чёрную метку, на дрожащие ресницы, на крошечный упрямый рот.

А потом подняла голову.

— Запомните, — сказала она тихо, но так твёрдо, что служанка перестала плакать. — В этом доме больше никто не будет решать судьбу ребёнка шёпотом за закрытыми дверями.

За стенами снова завыл ветер.

А где-то в глубине крепости, очень далеко и всё же пугающе близко, ответил дракон.

Глава 2. Младенец с чёрной меткой

Младенец был слишком лёгким для той судьбы, которую на него уже успели повесить.

Марина держала его у груди и чувствовала, как под тонкой тканью едва заметно вздрагивает маленькое тело. Ребёнок не кричал во всю силу, не требовал, не сопротивлялся миру, в который его принесли без имени, без защиты и без права на обычный человеческий плач. Он только тихо, надсадно пищал, будто уже понял: в этом доме громких просьб не любят.

— Закройте дверь на засов, — сказала Марина.

Служанка, всё ещё стоявшая у порога, будто не сразу поняла, что обращаются к ней. Она обернулась, торопливо опустила крюк, потом прижалась спиной к двери и сжала ладони у груди.

— Миледи, если они узнают, что я пришла сюда...

— Узнают, — перебила Марина. — Рано или поздно всё равно узнают. Сейчас важнее другое: ребёнок замёрз, вы едва стоите на ногах, а за этой дверью, похоже, целый замок людей, которые привыкли решать судьбы младенцев шёпотом. Поэтому плакать будем потом. Сейчас работаем.

Слово прозвучало почти нелепо среди каменных стен, родовых меток и северной ночи. Но именно оно вернуло Марине опору. Работать — это она умела. Не понимать мир, не знать законов драконьего рода, не помнить до конца чужую жизнь, но видеть перед собой ребёнка и делать всё, что можно без паники, — вот это было ей знакомо.

Она прошла к очагу, опустилась в кресло и осторожно раскрыла свёрток ровно настолько, чтобы не выпустить тепло. Младенец тут же недовольно сморщился, дёрнул крошечной ручкой и снова издал слабый звук.

— Как вас зовут? — спросила Марина, не отрывая взгляда от ребёнка.

— Тила, миледи.

— Тила, подойдите ближе. Только спокойно. Резких движений не надо.

Девушка послушно шагнула к очагу. На вид ей было не больше восемнадцати. Рыжеватые волосы выбились из-под мокрого платка, ресницы слиплись от снега и слёз, на щеке темнела сажа, словно она бежала не через парадные коридоры, а какими-то чёрными служебными ходами.

— Где вы его взяли?

Тила посмотрела на свёрток так, будто боялась, что стены услышат ответ.

— В малой башне. Там, где держат родовые колыбели старшей ветви. Его принесли туда после... после смерти леди Сайры.

Марина подняла глаза.

— Кто такая леди Сайра?

— Племянница прежнего князя. Последняя из старшей крови, кроме него. — Тила кивнула на ребёнка и снова всхлипнула, но сдержалась. — Её привезли в крепость три недели назад. Тайно. Говорили, что она вернулась с восточной границы, что ей нельзя показываться двору, пока Совет не решит, как объявить о наследнике. А сегодня ночью она умерла. И тогда увидели метку.

Марина медленно перевела взгляд на плечо младенца.

Чёрная чешуйчатая вязь казалась не просто пятном на коже. При свете очага она словно жила отдельно: то уходила глубже, то проступала резче, собираясь в тончайший рисунок крыла. В этой метке было что-то пугающе красивое. Не грязное, не уродливое, не мёртвое. Просто чужое. Непонятное. А непонятного люди во всех мирах боялись одинаково.

— И решили, что ребёнка надо убрать, — сказала Марина.

Тила зажала рот рукой.

— Я не слышала всего. Клянусь, не слышала. Только господин Вартис сказал, что до рассвета младенца не должно быть в крепости. Что князю сообщат потом. Что родовая сила сама отвергла мальчика, раз метка почернела.

Имя старика из Совета всплыло в памяти Марина почти сразу. Тёмно-бордовый плащ, кольца на сухих пальцах, привычка говорить о живых людях как о неудачных строках в договоре.

— Вартис, — повторила она.

— Старший хранитель Совета, — прошептала Тила. — Он распоряжается родовыми законами, пока князь не созвал полный круг.

— А князь Кайран знает, что ребёнка собирались унести?

— Не знаю, миледи. Я слышала только, что ему не велели мешать до утра. Что после Совета он ушёл в драконье крыло и никого не принимает.

Марина прикусила щёку изнутри, чтобы не сказать лишнего. Значит, в этом доме уже успели устроить не только публичное унижение жены, но и тайное решение по ребёнку, о котором хозяин крепости, возможно, не знал. Или знал не всё. Или предпочёл не знать. В любом случае это было не то болото, в котором можно было действовать наугад.

Младенец снова тихо пискнул.

— Сначала он, — сказала Марина и поднялась. — Тила, в умывальной есть вода?

— Кувшин, миледи. Нэра вечером оставляла.

— Принесите сюда. И чистую ткань. Всё, что найдёте сухого и мягкого. Быстро, но без шума.

Девушка кинулась выполнять приказ, словно только его и ждала. Марина тем временем уложила ребёнка на широкое кресло ближе к очагу, но не слишком близко к пламени, подложив под него сложенное покрывало. Движения сами становились точными и спокойными. Не потому, что ей не было страшно. Страшно было так, что внутри всё звенело. Но страх не имел права управлять руками.

— Ну что, маленький, — тихо произнесла она, наклоняясь к младенцу. — Тебя уже успели записать в угрозы княжеству? Быстро они тут работают.

Ребёнок шевельнул губами, будто хотел возмутиться, но сил на полноценный крик у него не нашлось.

Тила вернулась с кувшином, тазом и стопкой ткани. Марина проверила ткань пальцами, отложила грубую в сторону, выбрала самую мягкую и начала осторожно приводить младенца в порядок. Никаких резких действий, ничего лишнего. Только тепло, чистота, сухая ткань, внимательность и спокойный голос.

— Он мальчик? — спросила она.

— Да, миледи.

— Сколько ему?

Тила растерялась.

— Несколько часов, наверное. Я точно не знаю. Его принесли в колыбельную уже завернутым. Сайру никто из нас не видел после заката.

Марина почувствовала, как холод пробежал вдоль позвоночника. Несколько часов. Ребёнку было всего несколько часов, а вокруг него уже строили заговоры, спорили о родовой силе и решали, имеет ли он право дожить до утра.

— Значит, слушайте меня внимательно, — сказала она. — Здесь должно быть тихо. В комнате должно быть тепло, но не душно. Дверь никому не открывать без моего слова. Если кто-то постучит, сначала спрашивает имя. Если начнут ломиться — кричите так, чтобы слышали стражники. Даже если стражники будут не на нашей стороне, шум сейчас лучше тишины.

Тила кивала, часто и испуганно.

— Миледи, а если придёт господин Вартис?

— Особенно если придёт он.

Марина завернула ребёнка в сухую ткань и снова взяла на руки. Маленькое тело стало чуть спокойнее. Младенец повернул голову к её ладони, недовольно сморщил лоб и вдруг ухватил её палец. Слабенько, почти невесомо, но Марина застыла.

В груди что-то болезненно сжалось.

Она много раз видела новорождённых. Разных. Желанных, неожиданных, долгожданных, испуганно встреченных, окружённых шумной роднёй или только одной бледной матерью, которая никак не могла поверить, что всё уже позади. Но этот ребёнок был первым, кого принесли ей не для радости и не для помощи, а как тайну, от которой кто-то хотел избавиться.

— Имя нужно не им, — сказала Марина тихо. — Имя нужно ему. Чтобы он не был просто «проклятым», «чёрным», «опасным» и как там ещё они его называют.

Тила побледнела.

— Но имя должен дать род.

— Род сначала должен доказать, что достоин называть ребёнка.

Она не знала, можно ли здесь произносить такие слова. Не знала, сколько стен в этом флигеле слушают за тех, кто привык властвовать. Но сейчас злость была полезнее страха.

Вдруг младенец разжал пальцы и вскинул руку. Чёрная метка на плече на миг вспыхнула не светом, нет, скорее глубиной. Словно в самой тьме мелькнула тонкая золотая искра и сразу погасла.

Тила тихо вскрикнула.

Марина тоже увидела.

— Это было... — начала девушка.

— Я видела.

— Значит, он правда опасен?

Марина посмотрела на неё резко.

— Нет. Это значит только то, что мы ничего не понимаем. А когда взрослые ничего не понимают, они слишком часто называют опасным того, кто не может ответить.

Тила опустила глаза.

За дверью послышались шаги.

Обе женщины замерли.

Шаги были неторопливые, тяжёлые, не похожие на бег испуганной служанки. Кто-то шёл по служебному коридору уверенно, зная, куда направляется. Потом остановился у двери. Раздался стук — два удара, пауза, ещё один.

Тила стала белее стены.

— Это не Нэра, — прошептала она.

Марина переложила ребёнка так, чтобы полностью прикрыть метку тканью.

— Кто там? — спросила она громко.

Молчание продлилось несколько секунд.

— Откройте, леди Элиара.

Голос был мужской, властный, незнакомый, но не Кайранов. В нём слышалось не требование хозяина, а раздражение человека, уверенного, что дверь перед ним вообще не должна быть закрыта.

Тила беззвучно выдохнула:

— Вартис.

Марина медленно поднялась. Младенца она держала крепко, но бережно, чувствуя, как внутри снова встаёт та холодная собранность, которая помогла ей не развалиться в зале Совета.

— Ночь, господин Вартис, — ответила она. — Я уже удалилась.

— У вас находится то, что должно быть передано Совету.

Не ребёнок. Не младенец. То.

Марина улыбнулась, но улыбка вышла такой, что Тила испуганно отступила на шаг.

— Боюсь, Совет сегодня уже достаточно взял. Приходите утром.

Снаружи наступила тишина. Потом старик заговорил тише:

— Не играйте в смелость, леди Элиара. Ваше положение и без того шаткое. Вы не понимаете, к чему прикасаетесь.

— Зато я прекрасно понимаю, кого держу на руках.

— Вы держите угрозу дому Вэллоров.

— Я держу ребёнка.

— Откройте дверь.

— Нет.

Слово прозвучало просто. Без крика, без дрожи, без привычной для прежней Элиары покорности. И именно от этой простоты за дверью словно стало холоднее.

— Вы забываетесь, — сказал Вартис.

— Возможно. День был насыщенный: сначала меня признали ненужной женой, потом отправили в заброшенный флигель, а теперь среди ночи требуют отдать младенца неизвестно куда. Простите, если у меня сбилась придворный этикет.

Тила смотрела на неё с ужасом и восторгом одновременно.

За дверью раздался тихий скрежет. Марина не сразу поняла, что это старик провёл кольцом по дереву.

— К рассвету вы пожалеете о своём упрямстве.

— К рассвету я буду рада, если в этом доме наконец кто-то начнёт говорить вслух, а не шептаться по углам.

Ответа не последовало. Шаги удалились, но Марина не сдвинулась с места ещё долго. Только когда звук совсем растворился в гуле ветра, она позволила себе выдохнуть.

— Миледи, — Тила почти не дышала, — вы только что отказали старшему хранителю Совета.

— Я заметила.

— Он этого не простит.

— У меня складывается впечатление, что он и раньше не собирался быть моим другом.

Ребёнок завозился, недовольно сморщил нос, и Марина снова села ближе к очагу. Внутри у неё всё дрожало, но наружу она не выпустила ни одной лишней ноты. Не при Тиле. Не при младенце. Не в этом доме, где страх слишком быстро становился поводом для чужих решений.

— Слушайте, — сказала она. — Мне нужно знать всё, что известно о ребёнке. Всё, что слышали вы, Нэра, другие слуги. Но без домыслов. Только факты.

Тила кивнула и начала сбивчиво рассказывать.

Старшая ветвь Вэллоров почти угасла десять лет назад после пограничного мятежа. Леди Сайра считалась последней прямой наследницей прежнего князя, но её долго не было в крепости. Говорили, что она жила под охраной дальних родственников, потому что Совет опасался борьбы за кровь. Потом пришло тайное письмо. Сайру привезли ночью. В замке объявили, что прибыла дальняя гостья, нуждающаяся в покое. Видели её немногие. Тила оказалась в малой башне случайно: подменяла старшую служанку. А потом родился мальчик.

— Когда увидели метку, — шёпотом сказала она, — господин Вартис приказал всем выйти. Но дверь была приоткрыта. Я услышала, как одна из родовых смотрительниц сказала, что такой знак встречался в старых хрониках. Вартис велел ей молчать. Потом сказал, что хроники часто лгут, а чёрная метка приносит падение крепостей.

— Кто эта смотрительница?

— Мать Грета. Она присматривает за родовыми тканями, колыбелями и записями старшей ветви. Её увели после разговора. Я не знаю куда.

Марина запомнила имя.

Мать Грета. Хроники. Чёрная метка встречалась раньше. Значит, не всё так просто. И Вартис не испугался неизвестного — он испугался того, что кто-то другой может узнать больше.

— А Кайран? — спросила она. — Как он связан с этим ребёнком?

Тила смутилась.

— Князь Кайран из младшей ветви, но после гибели старшей его признали главой рода. Если у Сайры родился законный наследник, мальчик не отнимает у него власть сразу. Он слишком мал. Но когда вырастет, родовые права могут перейти к нему. Или князь станет его защитником до совершеннолетия.

— То есть ребёнок не просто сирота. Он меняет равновесие сил.

Тила явно не поняла выражения, но смысл уловила.

— Да, миледи. Если его признают.

Марина посмотрела на младенца.

Он спал теперь тише, устроившись в сгине её руки, как будто знал её давно и имел полное право доверять. Это доверие было таким безусловным, что от него становилось больно. Взрослые вокруг успели разделиться на тех, кто боялся, кто прятался, кто торговался, кто молчал, а он просто дышал, упрямо цепляясь за свой первый день.

В боковую дверь снова постучали.

Тила вскочила.

— Я никому не открою!

— Тише, — Марина прислушалась.

Стук был другой. Осторожный, знакомый.

— Миледи? Это Нэра.

Марина кивнула Тиле. Девушка открыла дверь, и пожилая служанка вошла так быстро, будто её втокнул ветер. На плечах у неё была тёплая шаль, в руках — корзина с чистыми тканями.

Нэра увидела младенца и замерла.

— Значит, правда, — прошептала она.

— Вы знали? — спросила Марина.

— Слуги узнают раньше господ, миледи. Не всё, но достаточно, чтобы бояться. — Нэра поставила корзину на стол и подошла ближе. В её лице не было суеверного ужаса, только тяжёлое, взрослое беспокойство. — Девочка из кухни сказала, что Тила исчезла из малой башни. Потом я услышала, что Вартис пошёл к северному флигелю. Я поняла, куда.

— Хорошо, что пришли. Мне нужны люди, которым можно доверять.

Нэра посмотрела на неё внимательно.

— Людей, которым можно доверять в этом доме, меньше, чем дверей без замков.

— Значит, начнём с вас двоих.

Тила вскинула голову так резко, будто Марина вручила ей не доверие, а опасный титул.

— С нас?

— Да. Вы принесли ребёнка, когда могли сделать вид, что ничего не слышали. Нэра пришла, хотя понимала, что здесь неприятности. Это уже больше, чем сделали многие в главном крыле.

Пожилая служанка долго молчала, а потом медленно кивнула.

— Что вы хотите делать, миледи?

Марина посмотрела на тёмные окна. До рассвета оставалось, наверное, несколько часов. Совсем мало, если против тебя Совет рода. И достаточно, если не пытаться победить всех сразу.

— Первое: ребёнок остаётся здесь до тех пор, пока я не услышу распоряжение князя лично. Не Вартиса, не Совета, не стражника в коридоре. Лично князя Кайрана.

Нэра напряглась.

— Князь может приказать то же самое.

— Может. Но тогда он сделает это глядя мне в глаза и глядя на ребёнка, а не чужим голосом за закрытой дверью.

— А если он придёт с охраной?

— Тогда я буду говорить громко.

Нэра вдруг едва заметно улыбнулась. Грустно, тревожно, но всё же улыбнулась.

— Вы и правда сегодня не похожи на себя, миледи.

Марина застыла на долю секунды.

— На ту себя, которая молчала?

— На ту, которая боялась, что любое слово сделает всё хуже.

Марина посмотрела на младенца.

— Иногда молчание делает хуже быстрее.

За дверью послышался шум.

Не один шаг. Несколько. Металл тихо звякнул о камень. Тила побледнела, Нэра выпрямилась, как перед ударом. Марина поднялась с кресла, не выпуская ребёнка.

На этот раз в дверь не постучали осторожно. В неё ударили так, что пламя в очаге дрогнуло.

— Именем князя открыть!

Голос принадлежал стражнику.

Тила вцепилась в край стола. Нэра шагнула было к двери, но Марина остановила её взглядом. В груди глухо стучало сердце, однако мысли становились яснее. Если сейчас она спрячется, если отдаст ребёнка без сопротивления, всё закончится до утра. Если начнёт кричать без расчёта, её объявят истеричной женщиной, которая вцепилась в чужую судьбу от обиды на мужа.

Нужно было не просто удержать младенца. Нужно было заставить их говорить при свидетелях.

— Откройте, — сказала Марина.

— Миледи...

— Откройте. Но засов снимите медленно.

Нэра послушалась.

Дверь распахнулась, впуская ледяной воздух, снег и двух стражников в тёмных плащах. За ними стоял Вартис. Лицо старика было почти спокойным, но глаза блестели так, будто он уже представлял, как именно сломает непокорную княгиню.

— Леди Элиара, — произнёс он. — Ваше упрямство вынудило меня привлечь стражу.

— Как быстро в этом доме находят стражу для младенца, — сказала Марина. — Жаль, днём никто не нашёл ни одного защитника для жены, которую судили всем Советом.

Один из стражников дёрнул взглядом в сторону Вартиса. Второй старательно смотрел прямо перед собой.

— Передайте ребёнка, — сказал старик.

— На каком основании?

— На основании решения Совета.

— Покажите грамоту.

Вартис замолчал.

Марина не знала, существуют ли здесь письменные распоряжения для таких случаев. Но старик слишком привык к подчинению, чтобы готовить доказательства там, где достаточно было властного тона.

— Вы не имеете права требовать...

— Я имею право спросить, кому отдаю ребёнка, — перебила она. — Куда его понесут. Кто будет отвечать за него. Кто подтвердит, что князь знает о приказе. И почему всё это происходит ночью через служебный вход.

Стражники теперь уже оба смотрели на Вартиса.

Старик медленно повернул голову к ним.

— Заберите свёрток.

Первый стражник шагнул вперёд.

И в этот момент младенец проснулся.

Не закричал. Не заплакал. Только открыл глаза — тёмные, почти чёрные при неверном свете очага — и тихо всхлипнул. Но звук этот оказался таким живым и маленьким, что стражник остановился.

Марина сама не ожидала, что сделает следующий шаг. Она просто развернула ткань чуть ниже, открывая лицо ребёнка, и посмотрела на мужчин у двери.

— Вот ваша угроза княжеству, — сказала она. — Посмотрите внимательно. Чтобы потом не говорить, что уносили не ребёнка, а приказ.

Стражник сглотнул.

Вартис побледнел от ярости.

— Закройте его.

— Почему? Чтобы вам было легче?

— Чёрная метка...

— На плече младенца, который не может даже голову удержать без помощи. Если ваш великий род так боится ребёнка, возможно, дело не в нём.

Старик шагнул вперёд, и воздух в комнате будто стал плотнее.

— Вы ничего не знаете о драконьей крови.

— Верно, — сказала Марина. — Поэтому я задаю вопросы. А вы почему так торопитесь, если всё знаете?

На миг показалось, что Вартис сорвётся. Его пальцы дрогнули, кольца сверкнули в свете огня. Но за его спиной уже стояли стражники, Нэра, Тила. Слишком много глаз. Слишком много ушей.

И вдруг из коридора донёсся новый голос:

— Потому что торопится не род. Торопится тот, кто не хочет ждать моего решения.

Все обернулись.

Кайран Вэллор стоял в проходе без парадного камзола, в тёмной рубашке и наброшенном на плечи плаще. Волосы были влажными от снега, на виске серебрилась родовая вязь, а глаза казались почти светлыми от сдержанного гнева. За ним стояли ещё двое стражников, но держались они не как люди Вартиса. Эти смотрели только на князя.

Марина почувствовала, как Тила рядом почти перестала дышать.

Вартис первым пришёл в себя.

— Мой князь, я собирался доложить вам на рассвете. Ситуация требовала немедленного вмешательства.

— Настолько немедленного, что вы пришли за наследником через северный флигель? — спросил Кайран.

Голос у него был тихий. Опасно тихий. В нём не было пламени, но Марина вдруг поняла, что огонь не всегда шумит, когда готов сжечь.

— Мальчик отмечен тьмой, — сказал Вартис. — Пока знак не изучен, его необходимо изолировать.

Марина сжала ребёнка крепче, но промолчала. Сейчас говорил князь. И ей нужно было понять, кто он на самом деле: хозяин, который позволит Совету делать грязную работу, или мужчина, способный хотя бы услышать правду, если её положить перед ним.

Кайран перевёл взгляд на неё.

Не на Вартиса. Не на стражу. На Марину.

— У вас ребёнок Сайры?

— У меня младенец, которого принесли ночью, потому что его собирались унести до рассвета, — ответила она. — Если это ребёнок леди Сайры, значит, да.

На лице Кайрана что-то дрогнуло. Очень быстро. Почти незаметно. Но Марина увидела: имя Сайры для него было не пустым.

— Покажите мне его.

Тила тихо всхлипнула. Нэра напряглась.

Марина не двинулась.

— Подойдите сами.

Вартис издал возмущённый звук.

— Леди Элиара!

Кайран поднял руку, не глядя на старика, и тот замолчал.

Князь вошёл в комнату. Шаг за шагом. С каждым его движением флигель будто становился меньше. Не потому, что он хотел напугать. Просто в нём было слишком много силы для этой маленькой комнаты с низким очагом, старой мебелью и женщиной в простой ночной рубашке, которая держала на руках чужого наследника.

Он остановился на расстоянии вытянутой руки.

Марина откинула ткань.

Кайран посмотрел на ребёнка.

И впервые за всё время на его лице появилась не холодная власть, не раздражение, не привычная отстранённость, а тяжёлое, почти человеческое потрясение.

— Сайра всё-таки успела, — произнёс он едва слышно.

Младенец шевельнулся, недовольно сморщил лицо и повернул голову к Марине, словно прятался от чужих взглядов. Кайран увидел это. Его глаза задержались на том, как маленькая ручка цеплялась за её палец.

— Метка, — напомнил Вартис. — Мой князь, вы должны увидеть метку.

Марина медленно открыла плечо ребёнка.

Чёрная вязь проступила в свете очага ещё резче. Стражники у двери невольно переглянулись. Нэра опустила голову, Тила закрыла рот ладонью.

Кайран не отступил.

Он смотрел долго, очень внимательно, и чем дольше смотрел, тем сильнее менялось его лицо. Сначала настороженность. Потом сомнение. Потом что-то такое, что Марина не смогла сразу назвать. Не страх. Скорее узнавание, которому он сам не хотел верить.

— Где мать Грета? — спросил он, не поворачиваясь.

Вартис замер.

— Её отстранили от колыбельной. Она слишком много говорила.

— Я спросил, где она.

— В нижней комнате родового крыла.

— Под охраной?

— Временно.

Кайран наконец обернулся. И теперь Вартис, кажется, впервые за ночь понял, что перестарался.

— Освободить, — сказал князь. — Немедленно.

— Мой князь, я обязан предупредить...

— Вы уже слишком многое сделали, прикрываясь обязанностями.

Старик побледнел, но поклонился.

— Как прикажете.

— И ещё. Никто не выносит ребёнка из крепости. Никто не прикасается к нему без моего слова. Никто не произносит при нём слово «проклятый».

Последняя фраза прозвучала так, что даже огонь в очаге будто стал тише.

Марина почувствовала, как напряжение в плечах отпускает на долю секунды. Не победа. Нет, до победы было далеко. Но ребёнка хотя бы не унесут прямо сейчас.

Кайран снова повернулся к ней.

— Передайте наследника страже. Его разместят в родовой колыбельной под моей защитой.

И вот тогда спокойствие Марины оборвалось.

Она медленно подняла голову.

— Нет.

Князь посмотрел на неё так, будто ослышался.

— Что вы сказали?

— Нет, — повторила Марина. — Я не передам его страже.

В комнате стало так тихо, что было слышно, как за окном снег скребётся о стекло.

Вартис едва заметно улыбнулся. Вот теперь, казалось, он снова получил удобное оружие: непокорная жена отказывает князю при свидетелях.

Кайран сделал шаг ближе.

— Леди Элиара, вы не понимаете положения.

— Я понимаю достаточно. Ребёнка уже один раз собирались унести по распоряжению людей, которые говорили вашим именем или рядом с ним. Тила рисковала собой, чтобы принести его сюда. Нэра пришла, потому что тоже испугалась. Теперь вы говорите «страже», будто это решает всё. А я не знаю, какая стража служит вам, какая Совету, а какая просто тому, кто громче приказывает.

Серые глаза Кайрана потемнели.

— Вы обвиняете мой дом в предательстве?

— Ваш дом сегодня днём признал жену ненужной, а ночью чуть не лишил защиты младенца. Я пока не знаю, как это называется в драконьих законах. В моём понимании это точно не порядок.

Стражники у двери перестали дышать.

Марина слышала собственное сердце, но голос не дрогнул. Она не могла позволить себе дрожать. Не сейчас, когда ребёнок спал у неё на руках и доверчиво прижимался к ткани её рукава.

Кайран смотрел на неё долго. Так долго, что Тила снова тихо всхлипнула.

— Вы изменились, — сказал он наконец.

— Возможно, я просто оказалась в ситуации, где молчать опаснее, чем говорить.

— И что вы предлагаете?

Вопрос был неожиданным.

Марина готовилась к приказу, к угрозе, к тому, что князь просто протянет руки и заберёт ребёнка, а её оттеснят к стене. Но он спросил. Холодно, жёстко, с недоверием, но спросил.

И этим дал ей пространство.

— Ребёнок остаётся здесь до рассвета, — сказала она. — В этой комнате. Со мной, Нэрой и Тилой. Вы ставите у двери двух стражников, которым доверяете лично. Не Совету. Лично. Утром приводите мать Грету, и она рассказывает всё, что знает о чёрной метке. При вас. При мне. При свидетелях. После этого будем решать, где безопаснее держать младенца.

Вартис не выдержал:

— Это немыслимо! Опальная жена диктует условия князю в его же крепости!

Марина даже не посмотрела на него.

— Нет. Акушерка говорит мужчине, что младенца нельзя таскать ночью по холодным коридорам ради чужой паники.

Слово повисло в воздухе.

Кайран чуть сузил глаза.

— Акушерка?

Марина поняла ошибку сразу. Элиара не могла так себя назвать. Не должна была. В этом мире, возможно, вообще не было такого слова в её привычном смысле. Но отступить было поздно.

— Да, — сказала она. — Женщина, которая знает, что младенец — не знак в хронике и не строка в решении Совета. Он живой. И пока я рядом, вы не будете решать его судьбу так, будто он вещь.

Вот теперь Кайран изменился по-настоящему.

Не смягчился. Нет. Не стал добрым, раскаявшимся или внезапно очарованным. Но в его взгляде впервые появилась трещина в ледяной уверенности. Он смотрел на Марину так, словно пытался совместить в голове тихую жену, которую знал пять лет, с женщиной, стоявшей перед ним сейчас босиком на холодном полу, с младенцем на руках и прямой спиной.

— Вы понимаете, что берёте на себя ответственность за наследника рода Вэллоров? — спросил он.

— А вы понимаете, что он уже родился в мире, где все вокруг боятся взять ответственность за него?

Ответ ударил точно.

Кайран молчал. Потом медленно повернулся к стражникам:

— Дарен. Олс. У двери. Никого не впускать без моего приказа или её согласия.

Один из мужчин кивнул сразу. Второй после короткой паузы тоже склонил голову.

Вартис шагнул вперёд.

— Мой князь...

— Вы свободны, хранитель.

— Но...

— Сейчас.

Старик поклонился. Его лицо снова стало бесстрастным, но перед уходом он посмотрел на Марину так, что ей стало ясно: до рассвета она получила не только отсрочку, но и врага, который больше не будет недооценивать её.

Когда Вартис ушёл, Кайран задержался.

Тила и Нэра стояли у стены, не зная, куда смотреть. Стражники вышли за дверь. В комнате остались огонь, младенец, князь и женщина, которую он несколькими часами ранее назвал ненужной.

— Вы не должны были вмешиваться, — сказал он тише.

Марина усмехнулась без радости.

— Удобная фраза. Её можно сказать кому угодно, кто мешает сделать что-то неправильное.

— Вы не знаете всех обстоятельств.

— Тогда расскажите.

Он посмотрел на ребёнка.

— Не сейчас.

— Разумеется. В этом доме все важные объяснения почему-то откладывают до того момента, когда уже поздно.

Кайран поднял глаза. В его взгляде мелькнуло раздражение, но вместе с ним — усталость. Тяжёлая, скрытая, такая глубокая, что Марина на секунду увидела не только князя, а мужчину,

который тоже стоял внутри чужих решений, древних правил и ожиданий рода. Это не оправдывало его. Но делало опаснее: живого человека сложнее ненавидеть ровно и просто.

— Сайра была моей кузиной, — сказал он неожиданно. — Единственной из старшей ветви, кто мог вернуться.

Марина не перебила.

— Я думал, она в безопасности. Мне сообщили о её прибытии слишком поздно. Сегодня Совет требовал расторжения нашего брака, а в другом крыле умирала женщина, которая могла изменить судьбу рода. — Он сжал челюсть. — Я узнал о ребёнке час назад.

— И о приказе унести его?

— Нет.

Ответ был коротким.

Марина хотела верить. И не хотела. Слишком удобным было это «нет». Слишком многое в этом доме происходило за спиной тех, кто потом говорил, что не знал.

— Значит, у вас в крепости есть люди, которые не боятся принимать решения вместо вас, — сказала она.

— Я разберусь.

— Не сомневаюсь. Только разбирайтесь так, чтобы ребёнок дожил до ваших выводов.

Кайран посмотрел на неё почти с яростью. Но ярость эта была странной: не на неё одну, а на весь этот вечер, на Вартиса, на Сайру, на себя самого, возможно. Потом он опустил взгляд на младенца.

— Он похож на неё, — произнёс он.

— На Сайру?

— Да.

В голосе впервые прозвучало что-то мягче льда. Не нежность. Память.

Младенец вдруг завозился и открыл глаза. Кайран непроизвольно протянул руку, но остановился на полпути, будто не знал, имеет ли право коснуться. Это движение оказалось таким неожиданно человеческим, что Марина тоже не сразу нашлась с ответом.

— Руки согрейте, — сказала она наконец.

Кайран перевёл взгляд на неё.

— Что?

— Руки у вас холодные. Если хотите коснуться ребёнка, сначала согрейте ладони у огня.

Нэра тихо охнула. Тила уставилась в пол, явно ожидая, что князь сейчас обрушит на всех драконье негодование.

Но Кайран после короткой паузы подошёл к очагу.

И согрел ладони.

Марина не улыбнулась. Даже вида не подала, что эта маленькая победа что-то для неё значит. Но внутри что-то сдвинулось. Не в сторону доверия. Пока нет. Скорее в сторону понимания: этот мужчина привык приказывать, но способен услышать, если речь идёт не о его гордости, а о ребёнке.

Когда он вернулся, она чуть повернула младенца. Кайран осторожно коснулся его крошечной руки одним пальцем. Ребёнок сначала недовольно сморщился, потом вдруг сжал палец князя так же слабо и упрямо, как до этого сжимал палец Марины.

Лицо Кайрана застыло.

Чёрная метка на плече младенца дрогнула.

И на серебряной вязи у виска князя вспыхнул тончайший золотой отсвет.

Нэра вскрикнула. Тила отступила к стене.

Марина увидела, как Кайран резко убрал руку, будто связь обожгла его не болью, а смыслом. Он побледнел, и впервые за всё время в его глазах появился настоящий страх.

— Что это было? — спросила Марина.

Кайран молчал.

— Князь.

Он медленно посмотрел на неё.

— Утром, — сказал он глухо, — мы приведём мать Грету. И если она подтвердит то, о чём я думаю, Совет этой ночью пытался избавиться не от проклятого ребёнка.

— А от кого?

Кайран снова посмотрел на младенца, и теперь в его взгляде было не только потрясение, но и мрачное понимание цены.

— От того, кто имеет право разбудить весь род.

Глава 3. Дом первого огня

— Разбудить весь род? — переспросила Марина.

Она произнесла это спокойно, хотя спокойствия в ней не осталось ни на горсть. В маленькой комнате северного флигеля было тесно от людей, чужих тайн и древних страхов. За дверью стояли стражники, в коридорах ещё пахло снегом, на столе догорала свеча, а на руках у неё спал младенец, которого несколько часов назад хотели вынести из крепости так тихо, будто он был не ребёнком, а неудобной ошибкой.

Кайран не ответил сразу.

Он стоял у очага, чуть отвернувшись, и смотрел на пламя так, словно пытался найти в нём не тепло, а решение. После того золотого отсвета на его родовой вязи князь изменился. Не внешне — плечи по-прежнему были прямыми, лицо жёстким, голос, когда он говорил со стражей, не дрожал. Но Марина видела: внутри него что-то треснуло. Не рухнуло, нет. Такие мужчины редко рушились сразу. Но прежняя уверенность, что мир подчиняется приказам, дала первую глубокую трещину.

— У Вэллоров есть старая легенда, — наконец произнёс он. — Не для зала Совета и не для праздничных песен. Её передают хранители родовых записей.

Марина невольно усмехнулась.

— Судя по тому, как ваш хранитель сегодня ночью пытался избавиться от ребёнка, легенду он передавал выборочно.

Кайран обернулся. Взгляд стал острым, но Марина уже не отвела глаз. После ночи, после Вартиса, после крошечной руки, вцепившейся в её палец, она чувствовала себя не смелой, а уставшей от чужой наглости. Иногда именно усталость делала человека опасным: сил на страх уже не оставалось.

— Я приведу Грету, — сказал Кайран. — Она объяснит лучше.

— Вы уверены, что её успеют привести живой и способной говорить?

Нэра тихо охнула у стены. Тила испуганно зажала ладони у груди.

Кайран посмотрел на Марину так, будто она снова ударила по тому месту, куда он сам боялся смотреть.

— Дарен уже пошёл за ней. Это мой человек.

— Сегодня ночью я выяснила, что в этом доме фраза «мой человек» не всегда означает одно и то же для всех.

— Дарен служил мне ещё до того, как Вартис получил место старшего хранителя.

— Тогда надеюсь, Дарен умеет ходить быстрее интриг.

На этот раз Кайран промолчал. И странно — это молчание оказалось не поражением и не высокомерным отказом отвечать. Он как будто принял её слова, пусть и с трудом.

Младенец завозился, сморщил маленькое лицо и тонко всхлипнул. Разговор оборвался сразу. Марина опустила в кресло, поправила ткань и начала тихо покачивать ребёнка, не заговаривая его громкими словами, не суетясь. Просто была рядом. Тепло, ровное дыхание, мягкая ткань, полумрак, отсутствие резких голосов — иногда этого было больше, чем могли дать все родовые башни с золотыми гербами.

Кайран следил за её движениями.

— Вы действительно знаете, как обращаться с младенцами.

Это прозвучало не как вопрос, но Марина ответила:

— Знаю.

— Элиара никогда...

Он оборвал себя.

Марина подняла на него глаза.

— Договаривайте, князь. В этой комнате уже сказали столько неприятного, что ещё одна правда не разрушит стены.

Он чуть сжал челюсть.

— Элиара никогда не держала детей на руках. Она избегала младенцев.

Чужая память откликнулась не картиной, а чувством: сдавленный страх, улыбки дам, шёпот «бедная княгиня», маленький ребёнок у одной из знатных женщин, которого Элиаре почти насильно предложили подержать на празднике. И её собственные пальцы, холодные от ужаса. Не потому, что она не любила детей. Потому что вокруг ждали, когда она дрогнет, когда подтвердит их приговор: не способна, не годится, пустая.

Марина посмотрела на спящего мальчика.

— Возможно, она избегала не детей, а взглядов, которыми её за это добивали.

Кайран ничего не сказал.

Но тишина после её слов стала другой.

В коридоре послышались быстрые шаги. Тила вздрогнула, Нэра выпрямилась, а Марина крепче прижала ребёнка к себе. Кайран повернулся к двери.

— Открыть, — сказал он.

Дверь распахнулась, и в комнату вошёл Дарен. Вместе с ним была пожилая женщина в тёмно-синем платье, наспех запахнутом на груди. Седые волосы выбились из строгого пучка, лицо было бледным, но глаза смотрели ясно и зло. Не испуганно. Именно зло. Так смотрят женщины, которых долго заставляли молчать, а потом слишком грубо заперли там, где они успели всё обдумать.

— Мать Грета, — сказал Кайран.

Женщина склонила голову, но низко кланяться не стала.

— Мой князь.

— Вам мешали говорить?

— Мне велели молчать ради блага рода.

— Я спрашиваю не об их словах.

Грета перевела взгляд на Марину, на младенца в её руках, на чёрную метку, которую ткань скрывала не полностью. Лицо женщины изменилось. Злость не ушла, но под ней появилась такая боль, что Марина поняла: эта старуха уже видела слишком много маленьких судеб, сломанных взрослыми правилами.

— Да, — сказала Грета. — Мне мешали говорить.

Кайран медленно кивнул.

— Тогда говорите сейчас.

Грета подошла ближе. Нэра отступила, освобождая ей место у очага. Тила смотрела на старшую смотрительницу с почти детским ужасом, но та лишь коротко коснулась её плеча, будто успокаивая: мол, выстояла, девочка, и теперь держись дальше.

— Чёрная метка не знак гибели, — сказала Грета.

Кайран застыл.

Марина почувствовала, как эти слова прокатились по комнате, будто кто-то наконец открыл окно в душном помещении. Не спасение. Ещё нет. Но воздух стал другим.

— Продолжайте, — глухо сказал князь.

— В старых записях она называлась меткой первого огня. Только писали её не чёрной краской, а тёмным золотом. Со временем листы выцвели, переписчики меняли слова, хранители спорили, а потом Совету оказалось удобнее называть всё непонятное опасным. Такая метка появляется не у каждого сильного дракона. Она появляется у того, кто может связать разорванные ветви рода.

Кайран медленно посмотрел на младенца.

— Разорванные ветви, — повторил он.

— Старшая и младшая кровь, мой князь. То, что ваш род потерял десять лет назад.

Грета говорила без торопливости, но каждое слово ложилось тяжело. Марина не понимала всех драконьих законов, но смысл схватывала быстро: ребёнок был не угрозой из-за метки, а угрозой для тех, кто привык управлять родом через страх.

— Почему Вартис сказал, что такая метка приносит падение крепостей? — спросила Марина.

Грета посмотрела на неё внимательно, без привычного придворного презрения. Как на человека, имеющего право спрашивать.

— Потому что в одной крепости она действительно появилась перед падением. Только пала не крепость из-за ребёнка. Пали те, кто пытался убить наследника. Но эту часть истории хранители Совета предпочитают читать шёпотом.

Тила тихо ахнула.

Кайран стоял неподвижно. На скулах у него проступили тени.

— Вы знали об этом раньше?

— Я знала, что в хрониках есть упоминания. Пока не увидела мальчика, не могла быть уверена. Когда увидела, сказала Вартису, что нужно звать вас. После этого меня вывели.

Марина опустила взгляд на младенца. Он спал, не подозревая, что вокруг него только что изменился вес воздуха, положение людей и, возможно, судьба целого княжества.

— Значит, — медленно сказала она, — ребёнка хотели убрать не потому, что он опасен для рода. А потому, что он опасен для тех, кто прикрывается родом.

Грета не ответила.

Кайран ответил за неё:

— Похоже на то.

Марина подняла голову.

— Похоже?

— Мне нужны доказательства.

— Вам нужен живой ребёнок. Доказательства потом.

Он резко посмотрел на неё.

— Вы думаете, я этого не понимаю?

— Я думаю, сегодня ночью слишком многие взрослые занимались чем угодно, кроме простого понимания: младенцу нужно безопасное место. Не башня с закрытыми дверями, не служебный коридор, не руки людей, которые называют его знаком беды. Место, где никто не будет вздрагивать от его метки.

Грета вдруг усмехнулась. Сухо, без веселья.

— Такого места в крепости нет, миледи.

И вот эта фраза почему-то ударила по Марине сильнее, чем все разговоры о родовой власти.

Нет места.

Для наследника — нет места, потому что его боятся.

Для опальной жены — флигель, потому что её не хотят видеть.

Для Сайры — тайная башня, потому что её существование мешало Совету.

А сколько было тех, кого вообще не довели до этих стен? Женщин, которых выгнали из домов из-за плохой приметы. Детей, на которых посмотрели и решили, что проще отвернуться. Слабых, бедных, неудобных, неправильных по чужим меркам.

Марина медленно оглядела комнату.

Старый флигель. Тёмная мебель. Слабое пламя. Служанки, которые за одну ночь стали смелее многих вельмож. Пожилая смотрительница с правдой, которую пытались запереть. Младенец, которому не дали имени.

И князь, который стоял посреди этого всего и впервые, кажется, не мог просто приказать миру стать прежним.

— Тогда место нужно создать, — сказала Марина.

Кайран нахмурился.

— Что?

— Место, где ребёнок будет в безопасности. И не только он.

— Не только?

Марина поднялась. Младенец чуть шевельнулся, но не проснулся. Она подошла к окну. За стеклом серело предрассветное небо. Снег ложился на крепостной двор ровно и безжалостно, скрывая следы ночной суеты. Скоро проснётся замок. Слуги начнут шептаться. Совет начнёт оправдываться. Вартис начнёт плести новую сеть. И если Марина сейчас не потребует своего, её снова втянут в чужие правила, где нужно ждать, просить, оправдываться и надеяться, что сильные мира этого не забудут быть порядочными.

Она больше не хотела надеяться на их порядочность.

— Я хочу дом, — сказала она.

Кайран посмотрел на неё так, будто ожидал чего угодно, но не этого.

— Дом?

— Не золото. Не возвращение в главные покои. Не ваши извинения перед Советом, произнесённые так, чтобы всем стало удобно. Мне нужен отдельный дом у северной стены. Старый, пустой. Такой, куда не жалко отправить ненужную жену, но достаточно большой, чтобы там были комнаты, очаги, вода, место для чистой ткани, для женщин, для младенцев и для тех, кого ваш прекрасный род привык прятать до рассвета.

Нэра резко подняла голову. Тила зажала губы. Грета впервые посмотрела на Марину с настоящим интересом.

Кайран молчал.

— Вы понимаете, что просите? — спросил он наконец.

— Пока нет. Но быстро пойму.

— Дом у северной стены давно не используется. Камень сырой, крыша требует ремонта, часть окон выбита, старый двор завален досками. Там нельзя просто поставить колыбель и объявить его убежищем.

— Значит, начнём с крыши, окон и двора.

— У вас нет людей.

— Есть Нэра. Есть Тила, если она сама согласится. Есть мать Грета, если её не запрут снова за правду. Есть я. Остальные найдутся, когда поймут, что за помощь не будут наказывать.

— Вы говорите так, будто в крепости очередь желающих выступить против Совета.

Марина повернулась к нему.

— Нет. Я говорю так, будто в крепости полно людей, которые устали бояться, но пока не знают, куда можно принести свой страх.

Это было сказано не громко, но Нэра вдруг опустила глаза. Тила сжала руки. Даже Дарен, стоявший у двери, чуть изменился в лице.

Кайран заметил это. Конечно, заметил.

— Вы хотите устроить в моём доме второй двор, который будет слушаться вас?

Марина рассмеялась. Тихо, устало, без радости.

— Ваш Совет ночью едва не вынес младенца, а вы переживаете, что у меня появится слишком много чистой ткани и свободных комнат?

— Я переживаю, что вы создадите место, куда начнут стекаться все чужие беды крепости. И каждая из них станет поводом для нового удара по вам.

— По мне уже ударили, князь. Публично. При свидетелях. Вы сами произнесли приговор. Помните?

Его лицо потемнело.

— Помню.

— Тогда поймите простую вещь. Женщине, которую уже называли ненужной, гораздо легче сделать что-то полезное. Терять мне здесь почти нечего, кроме собственного достоинства. А его я отдавать не собираюсь.

Молчание стало глубоким.

Кайран смотрел на неё долго. Не как на тихую Элиару, которую можно было отправить во флигель. Не как на странную женщину, внезапно осмелевшую от ночного потрясения. Он смотрел так, словно впервые пытался оценить не удобство и не проблему, а силу, которую до этого не замечал.

— Вы не просите отменить расторжение брака, — сказал он.

— Нет.

Слово вышло ровным, но в комнате от него стало холоднее.

Кайран чуть прищурился.

— Почему?

Марина могла бы ответить резко. Могла напомнить ему зал Совета, его голос, фразу о ненужности. Могла ударить точнее, больнее. Но внезапно поняла: для неё важнее не ранить его, а провести границу.

— Потому что женщина не должна просить обратно место, с которого её уже выбросили. Если когда-нибудь в вашей жизни мне снова найдётся место, князь, вы сначала сами поймёте, зачем оно вам. А я потом решу, нужно ли оно мне.

Нэра замерла. Грета одобрительно хмыкнула, но тут же сделала вид, что просто кашлянула. Кайран не отвёл взгляда.

— Вы стали жестокой.

— Нет, — сказала Марина. — Просто раньше Элиара была одна. А теперь у меня на руках ребёнок, за спиной две женщины, которые рискнули собой, и старуха, которую пытались заставить молчать. Одиночество делает человека тихим. Ответственность — нет.

Грета неожиданно поклонилась ей. Не низко, но явно.

— Дом у северной стены называли старым приютом пламени, — сказала она. — Очень давно. Ещё до того, как князья решили, что стены важнее людей. Туда приносили детей, родившихся в тревожное время, и женщин, которым некуда было идти. Потом род стал богаче, гордее, умнее в собственных глазах. Дом закрыли. Сказали, больше нет нужды.

Марина посмотрела на Кайрана.

— Вот видите. Я даже не придумываю бунт. Я возвращаю вашему роду забытое приличие.

Дарен у двери кашлянул, пряча улыбку. Кайран бросил на него взгляд, и стражник мгновенно стал каменным.

— Хорошо, — сказал князь.

Марина не сразу поверила.

— Хорошо?

— Вы получите старый дом у северной стены. Но с условиями.

— Разумеется.

— Там будет моя охрана.

— Если охрана будет защищать, а не подслушивать за Вартиса, я согласна.

— Все работы будут проходить через моего управляющего.

— Управляющий не будет решать, кого пускать внутрь.

— Вы не будете принимать никого без проверки.

— Я не буду превращать дверь в ловушку для тех, кому и так некуда идти.

Кайран медленно выдохнул.

— Вы спорите с каждым словом.

— Потому что в каждом вашем слове пока спрятана привычка контролировать вместо того, чтобы помогать.

Грета снова кашлянула. На этот раз совсем неубедительно.

Кайран посмотрел на Марину с таким выражением, будто не мог решить, злиться ему или признать, что она попала точно. Потом сказал:

— Три дня. Если за три дня дом нельзя будет привести в пригодный вид, ребёнка переведут в родовое крыло.

— За три дня мы откроем хотя бы одну тёплую комнату.

— Вы уверены?

Марина посмотрела на старые стены флигеля, на Нэру, Тилу, Грету, на младенца, на предраассветный снег за окном.

— Нет, — честно сказала она. — Но уверенность вообще роскошь для людей, у которых есть запасной выход. У нас его нет.

Кайран кивнул.

— Дарен останется у двери. Олс передаст приказ управляющему. Грета будет свободна, но под моей защитой. Тила...

Девушка вздрогнула.

— Тила тоже будет под защитой, — сказала Марина раньше, чем князь успел закончить.

— Она спасла ребёнка. Если с ней что-то случится, все поймут почему.

Кайран задержал на ней взгляд.

— Я хотел сказать то же самое.

— Тогда говорите быстрее. Женщины в вашем доме слишком привыкли, что защита опаздывает.

На этот раз он не ответил.

Но, уходя, остановился у двери.

— У ребёнка пока нет имени, — сказал он.

Марина посмотрела на младенца.

— Я знаю.

— По закону имя даёт родовой круг.

— По совести имя дают те, кто признал в ребёнке человека раньше, чем знак.

Кайран помолчал.

— Не называйте его пока. Вартис использует это против вас.

— Я не буду объявлять имя. Но думать о нём как о пустом свёртке тоже не собираюсь.

Он кивнул, будто принял и это.

Когда Кайран вышел, вместе с ним из комнаты будто ушла часть давления. Тила села на край стула так резко, словно ноги перестали держать. Нэра перекрестила пальцы странным местным жестом. Грета подошла к Марине и долго смотрела на младенца.

— Дом первого огня, — сказала Марина.

Грета подняла глаза.

— Что?

— Так он будет называться. Не старый приют. Не северный склад. Не место для ненужных. Дом первого огня. Потому что первый огонь — это не родовая чаша в зале Совета. Это тепло, которое дают тому, кто только пришёл в мир и ещё не может сам за себя бороться.

У Греты дрогнули губы.

— Хорошее имя для дома, миледи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.